

УДК 339

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271

СОВРЕМЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Егоров В.Г.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24,**Российская Федерация*

Аннотация. В статье дается изложение факторов, последствий и мер преодоления глобального кризиса. Автор показал его особенности, уходящие корнями в глубинные «тектонические» процессы и поэтому обуславливающие кардинальность преобразований, призванных выстроить новую архитектуру мирового социально-экономического организма. Упование на самоорганизующую силу рынка нерелевантно грандиозности грядущих перемен. Именно всеобщность проблем, инициированных актуальными последствиями кризиса, определяет место и роль государств и международных организаций в создании условий дальнейшего поступательного развития. Имея значительный культурный и научно-образовательный «задел», современная Россия, значительно деиндустриализированная в 90-е годы прошлого века, имеет реальный шанс сократить имеющееся отставание от развитых экономик, продвигаясь в направлении «креативной экономики».

Ключевые слова: финансовый кризис, циклы капиталистического накопления, снижение роста реального сектора, финансовые «пузыри», монетарная, структурная, инновационная политика.

THE MODERN FINANCIAL CRISIS AND ITS CONSEQUENCES

V. Egorov*Moscow Region State University**24, Vera Voloshina ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. The article gives a presentation of the factors, consequences and measures to overcome the global crisis. The author showed its features, rooted in the deep "tectonic" processes and therefore causing the cardinality of the reforms designed to build a new architecture of the world socio-economic organism. The reliance on the self-organizing power of the market is irrelevant to the enormity of the coming changes. It is the universality of the problems initiated by the current consequences of the crisis that determines the place and role of states and international organizations in creating conditions for further progressive development. When there is a significant cultural, scientific and educational "reserve", modern Russia, having been significantly deindustrialized in the 90-ies of the last century, has a real chance to reduce the existing lagging behind from the developed economies. It will move in the direction of "creative economy".

Key words: Financial crisis, cycles of capital accumulation, reduction of growth in the real sector, financial bubbles, monetary, structural, innovation policy.

Экономический кризис и особенно финансовый, является всегда следствием системного неустойчивости. Масштабы и последствия кризиса 2008 г. настолько внушительны (табл. 1), что экономисты зачастую определяют его глобальным финансово-экономическим. Другие, имея в виду глубину пока не устраненных его причин, считают, что мировая экономика окончательно не преодолела риски, способные повернуть наметившиеся положительные тенденции ее роста вспять.

Антикризисные меры, сглаживающие остроту проблем, сопутствующих системному кризису (например, направленные на восстановление доверия населения к банкам), как правило, не ликвидируют основополагающие факторы, определяющие протяженность, широту распространения и размер циклов, в течение которых кризисы набирают свою силу.

Преодоление последствий наступившего кризиса, видимо, возможно только в *формате качественной трансформации, социально-экономического строя глобальной экономики*. Впервые за многовековую историю капитализм, периодически сменявший фазы спадов и роста общественного хозяйства, являвшихся, кроме всего прочего, факторами дальнейшего формационного развития, подошел к черте, перешагнуть которую можно только изменив «направление движения» [3].

В последнем из длинных циклов развития капитала (Американском, продолжающемся с XX в.) итальянский экономист и социолог Джованни Арриги обнаружил существенную особенность, предопределяющую закат современной архитектуры «фи-

нансового капитализма». В отличие от прежних циклов капиталистического накопления (Генуэзского – XV–XVI вв., Голландского – XVII в., Британского – XIX в.), в нынешнем не происходит возврат оборота капитала (обеспечивающего его воспроизводство) в материальную сферу (торговлю и производство) [1, с. 33]. Оборот глобального капитала замкнулся в финансовой сфере. Стремясь минимизировать риски механизма «своего роста», капитал нашел нишу, в которой деньги делают деньги. Такой исход событий предвидел немецкий марксист Рудольф Гильфердинг. «Капитал становится завоевателем мира, – писал он, – но каждый раз, как он завоевывает новую страну, он завоевывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что остановка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его способность к конкуренции и может, в конце концов, меньшую хозяйственную область превратить в данницу крупной... На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» [7, с. 399–400].

Перемещение оборота капитала в финансовую сферу определяет порядок, при котором владение, распоряжение и управление активами становится «делом» узкой группы олигархата и его помощников.

По меткому выражению Кевина Филипса, «финансы не могут взрастить (многочисленный средний) класс, потому что лишь незначительная часть населения... может разделить прибыль, получаемую на фондовой бирже и в коммерческом банке» [21].

«Осиротив» реальный сектор экономики и сузив круг персон, обеспечивающих его жизнеспособность, современный капитализм породил ряд системных противоречий, не оставляющих надежды на их благополучное преодоление в рамках существующего миропорядка.

Депривация глобального сектора материальной экономики, деиндустриализацию. Несмотря на оптимистичный тон либеральных оценок, глобальная экономика демонстрирует устойчивый тренд на снижение темпов роста.

Таблица 1

Экономический рост в 2008-2017 гг. (в % ВВП)

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017*
Мир	3,0	-0,1	5,4	4,3	3,5	3,5	3,6	3,4	3,2	3,6
Россия	5,2	-7,8	4,5	5,1	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,5**
ЕС (еврозона)	0,4	-4,5	2,1	1,6	-0,9	-0,2	1,3	2,0	1,8	2,1
Великобритания	-0,6	-4,3	1,9	1,5	1,3	1,9	3,1	2,2	1,8	1,7
США	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,6	2,9	1,5	2,2
Германия	0,8	-5,6	3,9	3,7	0,7	0,6	1,9	1,5	1,9	2,1
Франция	0,2	-2,9	2,0	2,1	0,2	0,6	0,9	1,1	1,2	1,6
Италия	-1,1	-5,5	1,7	0,6	-2,8	-1,7	0,1	0,8	0,9	1,5
Испания	1,1	-3,6	0,0	-1,0	-2,9	-1,7	1,4	3,2	3,2	3,1
Греция	-0,3	-4,3	-5,5	-9,1	-7,3	-3,2	0,4	-0,2	0,0	1,8
Китай	9,6	9,2	10,6	9,5	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,8
Индия	3,9	8,5	10,3	6,6	5,5	6,4	7,5	8,0	7,1	6,7
Бразилия	5,1	-0,1	7,5	4,0	1,9	3,0	0,5	-3,8	-3,6	0,7
ЮАР	3,2	-1,5	3,0	3,3	2,2	2,5	1,7	1,3	0,3	0,7

* Данные прогноза:

Источник: IMF (2017 b) World economic outlook. Seeking sustainable growth: Short-term recovery, long-term challenges (October). Washington, DC: International Monetary Fund.

Концентрация богатства в руках ничтожно малой группы и рост неравенства до пределов, превосходящих самые пессимистичные прогнозы. Имущественное неравенство, ведущее к поляризации социумов, оставляет в прошлом перспективу общественной консолидации и повышает потенциал социально-политической нестабильности. Согласно отчету Credit Suisse, половина мирового богатства (50,8%) принадлежит 1% сверхбогатых олигархов, более трех четвертей (77,7%) – 5% жителей планеты, почти 90% –

10% наиболее обеспеченных персон. На долю населения США приходится 33,2% глобального достояния, Китая – 9,1%, на россиян – 0,4% (примерно столько же, сколько у Дании и Сингапура). Наиболее бедные 20% мирового населения – должники, у которых на каждый доллар дохода имеется долгов на 10,5 долларов США [2].

Расширение прямо не связанной с реальной экономикой финансовой сферы и рост «фиктивного» капитала, проявляющиеся разнообразными «побегами» больших и малых «пузырей», гро-

зующих лопнуть и погрести с собой всю глобальную экономическую систему. Только рынок инвестиционных обязательств, формализованный в фьючерсах, свопах, опционах, ценных бумагах и т.д. оценивается в астрономическую сумму 1,2 квадриллиона долл. США, в 70 триллионов оцениваются акции, 81 триллион – вся денежная масса, мировой долг в 200 триллионов (примерно треть которого приходится на США, законодателя финансовой системы мира) [13]. Держателями 80% всех денег на планете является пятая часть населения [14].

Последний кризис показал, что факторы, его порождающие, имеют тенденцию к увеличению продолжительности и системности, свидетельствующие о назревшей необходимости качественных перемен в архитектуре мировой экономики. Например, американский экономист И. Валлерстайн считает, что уже в ближайшие десятилетия следует ожидать больших изменений в экономическом миропорядке.

Кризис отличается от конъюнктурных проблем (периодически возникающих в развитии любой страны) тем, что попытка его «переждать» или надежда на то, что такого рода экономическая ситуация может разрешиться сама собой, только усугубляют последствия этого явления и могут привести к полному расстройству социального организма.

Отличие кризиса от текущих экономических сложностей заключается еще и в том, что помимо мер, которые могут сгладить последствия на уровне отдельных предприятий и домохозяйств, требуется активное вмешательство в процесс его преодоления государства и даже международных организаций.

Современная мировая экономика представляет собой сложный, связанный целостный организм. Поэтому возникающие кризисные явления неизбежно отражаются на всех национальных экономиках. Выздоровление от кризиса в этой связи может быть только процессом совместным, требующим общих конструктивных решений всех стран или, по крайней мере, сообщества ведущих держав.

И все же центральное место в профилактике и преодолении кризиса принадлежит национальным государствам. Именно этот институт, располагающий всеми атрибутами суверенитета (возможностями принятия решений в интересах общества), формирует политику, определяющую структуру экономики, монетарную политику и систему мер, способствующих восприимчивости общественного хозяйства к инновациям.

Место и роль государства в преодолении последствий кризиса обусловлено не столько необходимостью оперативного реагирования на вызовы, способные нанести ущерб общественному хозяйству в краткосрочной перспективе, сколько особенностями современного его проявления. Эффективность и результативность экономической политики вообще и монетарной в частности, всегда неоднозначны, хотя бы потому, что, во-первых, порой направлены на реализацию интересов корпораций, групп влияния, коррумпированных сообществ и т.д., во-вторых, в силу субъективности, обусловленной невозможностью владения их авторами всей совокупностью объективной информации для принятия рациональных решений (по Дж. М. Кейнсу). Именно поэтому, казалось

бы, работающие инструменты государственного влияния на экономику (например, в случае в России – таргетирование инфляции) вызывают у многих экономистов сомнения и критику [12].

Значение государственной политики в актуальных условиях определяется системностью кризиса, требующей корректировки стратегии общественного развития, т.е. системы мер, находящихся исключительно в компетенции государства.

Безусловно, было бы неверным полагать, что государство должно полностью устранить от решения текущих проблем и сосредоточиться исключительно на вопросах стратегического порядка. Лагерь сторонников неolibерального посыла о полной устранимости государства из регулируемой «невидимой рукой рынка» экономики неуклонно убывает. В отношении России нерелевантность этого положения, помимо прочего, обусловлена историко-культурным контекстом и особенностями имплементации отечественного капитализма, метко характеризуемого «трофейным». Генезис нынешнего «издания» капитализма в России не связан с естественным ростом рыночного хозяйств, но явился результатом «спланированного» раздела государственной собственности. Помимо лишения большинства российских граждан значительной части национального достояния (10% богатых россиян владеют 77% богатства страны [16, с. 34]), эта метаморфоза завершилась в трансформацию социалистической собственности (институционализированной в масштабных формах) в крупную капиталистическую собственность. Уже в первое

капиталистическое десятилетие конкуренция нарождающихся малых форм предпринимательства с крупными финансово-промышленными корпорациями закончилась полным поражением тех, кто мечтал «свободно, в свободной стране» обзавестись собственным делом. Только чистые теоретики, не знающие практики хозяйствования, могут полагать, что предоставлением преференций при регистрации малых предприятий и запретом проверок надзорными органами можно создать условия для масштабного роста капитализма «снизу» [8].

Управлять, регулировать, принуждать к социализации крупный капитал способно только государство. Правда, избыточное его присутствие в хозяйственной сфере, помимо положительных последствий, имеет множество неконструктивных. Отсутствие стабильных условий (пространства, недостижимого для чиновничьего произвола и чрезмерного с точки зрения давления государства) для бизнеса породили эффект массового бегства капитала из страны. За ее пределами размещены активы россиян, сопоставимые или даже превосходящие по величине их активы внутри национальной экономики. При этом износ основных фондов в российской промышленности составляет 53%, коммунальном хозяйстве – 70–80%.

«Заграничная прописка» российского капитала не создает эффект *trickle-down*, о котором писал Джон Ролз в книге «Теория справедливости», опубликованной в 1971 г., при котором богатство просачивается «сверху вниз» [20].

Вместе с тем попытки сокращения присутствия государства в экономике

обречены, так как расширение физически малых размеров экономики фактически ограничено его материальными возможностями, а отсутствие абсолютного института частной собственности и его производного правового порядка делает государственное регулирование единственным организующим экономический механизм.

Очевидно, что в условиях кризиса роль государственного участия возрастает до пределов «ручного управления».

Первое, что может предпринять государство в условиях кризиса, что не под силу отдельным субъектам экономической деятельности, это поддержать от окончательного разрушения финансовый сектор страны. Эта мера быстрого реагирования призвана, в том числе, амортизировать урон, который неизбежно несут отдельные домохозяйства в связи с обесцениванием банковских вкладов и потерей рабочих мест в разоряющихся предприятиях, т.е. поправить ситуацию средствами кредитно-денежной политики. Для этого государство может восстановить недостающий объем средств, находящихся в распоряжении банков для кредитования потребления и предпринимательства. Меры, направленные на помощь банкам, позволяют прежде всего поддержать потребление населения, расширение которого стимулирует экономику к производству новых товаров и услуг.

Однако такая политика, без продуманной и реализуемой стратегии экономического развития, может лишь поправить экономическое положение в краткосрочной перспективе, но не может гарантировать от повторения трудностей. Кроме того, финансовая

поддержка собственного банковского сектора, помимо социальной функции, во многом ориентирована на восполнение потерь банков, а следовательно, предполагает расходование средств бюджета (средств государства, поступающих в его распоряжение от сборов налогов, акцизов и др.) и, таким образом, становится средством перекладывания значительной доли тяжести кризиса на плечи рядовых граждан.

Решения, способствующие временному оздоровлению банков путем восполнения утраченной ликвидности (активов, способных поддержать денежный оборот), не могут обеспечить долгосрочную тенденцию на оздоровление экономики, создать условия необратимости обвала финансовой системы страны в будущем. В ряду мероприятий, рассчитанных на исправление последствий кризиса, в среднесрочной перспективе следует указать на усилия государства, призванные изменить «правила игры», на которых основывает свою деятельность банковский сектор и которые привели к кризисным явлениям. Содержание курса на обновление организации финансов страны кратко характеризуется двумя важными принципами. Во-первых, предотвращение накопления «плохих денег», заработанных на инвестициях (вложениях капитала) в финансовые спекуляции (например, получение прибыли за счет разницы в курсе валют или провоцировании роста или падения стоимости ценных бумаг и т.д.) Во-вторых, создание эффективного механизма направления капитала и сбережений граждан в реальный сектор экономики (отрасли, производящие материальные и нематериальные товары и услуги; за ис-

ключением финансово-кредитных и биржевых операций). В-третьих, формирование условий, гарантирующих стабильность национальной валюты и в целом финансовой системы страны, призванных обеспечить необходимое доверие населения, способное, по мысли М. Кейнса, поддержать конструктивный баланс между «сбережениями и инвестициями», увеличить потребление и, таким образом, стимулировать развитие экономики.

Исправление в ходе преодоления кризиса «правил игры» позволяет говорить не только о его отрицательных, но и положительных последствиях, так как выстраивание «исправленного» механизма функционирования банковского сектора и экономики в целом предполагает большую работу по выявлению и устранению ошибок предшествующего развития. Например, позволяет значительно уменьшить напряжение ценовых «пузырей», явившихся результатом переизбытка «спекулятивных денег», требующих все новых сфер приложения; способствует определению границы положительных и отрицательных последствий девальвации (снижения курса) национальной валюты, с одной стороны, благоприятно сказывающейся на финансовом состоянии предприятий, ориентированных на экспорт (поставку товаров за границу), с другой, вызывающей проблемы в обслуживании внешних займов (осуществляемых в мировых валютах, курс которых в годы кризиса резко возрастает); дает возможность выявить соотношение отрицательного результата роста инфляции, понижающего доходы граждан и ее таргетированных значений (размера, определяемого политикой

Центрального банка, направленной на ценовую стабильность, как правило, осуществляемую через процентную ставку на кредитные ресурсы).

В целом все инструменты денежно-кредитной политики, направленной на преодоление финансового кризиса и его последствий, применяются в рамках использования того или иного канала денежной трансмиссии. Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики – это механизм, посредством которого инструменты Центрального Банка влияют на экономическую активность населения и организаций, а также основные макроэкономические показатели развития. Трансмиссионный механизм включает в себя характерные каналы (табл. 2).

Однако монетарная политика государства в целом адекватно отвечает только задачам «краткосрочной экономической стабилизации» и имеет далеко не исчерпывающие возможности стимулирования экономического развития [11, с. 42].

Основное место в антикризисной деятельности государства по праву занимают мероприятия, связанные с выстраиванием стратегии экономического развития, призванные не допустить негативного сценария кризиса и способствующие поступательному росту общественного хозяйства, т. е. структурная политика.

Структурная политика – это сложный комплекс мер, призванный в каждый конкретный период экономического развития обеспечить оптимальное (наиболее эффективное) направление всех имеющихся в распоряжении средств на цели экономического роста. Экономисты, обычно говоря о структурной политике, имеют

Таблица 2

Каналы трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики

Канал трансмиссионного механизма ДКП	Механизм воздействия на деловую активность	Возможность использования канала для преодоления финансового кризиса
Процентный	Снижение реальных процентных ставок → уменьшение платежей по кредитам → рост инвестиций → рост совокупного спроса и увеличение выпуска	Сокращение процентных ставок допустимо только в том случае, если финансовый кризис не сопровождается всплеском инфляции. В противном случае снижение ставок приведет к росту денежной массы, что отразится в росте цен на товары, а не в росте производства
Кредитный канал	Докапитализация банков → рост кредитных ресурсов банков → увеличение объемов кредитования → рост инвестиций → увеличение выпуска → рост ВВП	Поскольку докапитализация банков происходит за счет бюджетных средств, кредитный канал не используется для преодоления финансовых кризисов, сопровождающихся сильным дефицитом государственного бюджета
Канал благосостояния	Операции Центрального Банка по покупке ценных бумаг на финансовых рынках страны → повышение доходности ценных бумаг → увеличение доходов домохозяйств → рост объемов потребления → увеличение совокупного спроса → рост выпуска	Для успешного применения данного канала в преодолении финансового кризиса в стране должен быть развитый рынок ценных бумаг, и каждый гражданин должен иметь возможность осуществления операций с ценными бумагами
Валютный канал	Покупки Центральным Банком иностранной валюты и снижение процентных ставок → снижение обменного курса национальной валюты → рост экспорта → снижение импорта → увеличение совокупного спроса и производства	Для успешного применения данного канала в стране должны быть четко отлажены механизмы противодействия вывозу капитала за рубеж, в противном случае поступающие от экспорта доходы не смогут повлиять на рост и развитие производства

в виду устранения риска инвестирования (вложений капитала) в имеющиеся и новые отрасли экономики, прежде всего те, которые имеют конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках; побуждение бизнеса направлять свои усилия в производства и технологии с неочевидными перспективами быстрого и легкого получения прибыли, особенно те, которые требуют больших затрат на науку и но-

вые технические решения и стимулирование сфер экономики, способных предоставить максимально большое количество рабочих мест. Структурная политика государства реализуется через реформирование прежних или формирование новых экономических институтов. (Институты – это обличенные в определенную правовую форму или не формализованные установления; например: частная соб-

ственность, конкуренция, госзакупки и т.д.)

Поиск оптимальной структурной политики, призванной обеспечить долгосрочную перспективу экономического роста, не находит решения в рамках неолиберального мейнстрима, предполагающего прежде всего сокращение присутствия государства в экономике [10].

Содержание структурной политики для России, изложенное в докладе Высшей школы экономики «Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка», представленном Евгением Ясиным, сводится к мерам, вряд ли способным обеспечить стратегию роста. Авторы доклада считают необходимым переориентировать российскую экономику от формирования собственных приоритетных технологических направлений на встраивание в низко- и средне-технологичные глобальные цепочки создания стоимости и рост сектора услуг, «в том числе креативной индустрии «экономики впечатлений» [5]. Безусловно, реализация такого рецепта для национальной экономики, как показывает опыт развивающихся стран, в том числе Китая, может способствовать ее движению по пути наращивания ВВП и даже стимулировать потребление, но с точки зрения обеспечения устойчивого долгосрочного роста не может быть признана оптимальной, так как инициирует не просто интеграцию, но подчинение стратегии развития всем, в том числе негативным тенденциям глобального миропорядка.

Неясно и малопродуктивно выглядят рекомендации перестройки структурной политики, опирающейся «на существующий ресурсный и на-

учно-технический потенциал с учетом особенностей ее формирования (российской экономики. – В.Е.), развития и способности гражданского (не рыночного. – В.Е.) менталитета» [18].

Высокая степень зависимости структурной политики России, направленной на достижение качественно совершенного технологического уровня от «бюджетного финансирования» и низкая коммерциализация инновационных проектов отмечается в докладе ЦСР (Центра стратегических разработок) [9].

Развернув впечатляющую по масштабам программную структурную трансформацию, авторы доклада внятно не ответили на вопрос о том, как преодолеть это препятствие на пути оптимизации структурной трансформации. В ряду предложенных мер ЦСР: создание условий «для запуска в базовом секторе масштабного обновления основных фондов и программного обеспечения», создание модульных цифровых платформ (преимущественно с открытой архитектурой), основанных на корпоративной организации в основных отраслях российской промышленности: «прежде всего в автомобилестроении, судостроении и авиационном строительстве, космической промышленности, в иных секторах машиностроения, в медицинской технике и фармацевтике, строительстве и эксплуатации атомных станций, сложных технологических объектов в сфере нефте- и газодобычи и др.», развитие технологического предпринимательства, финансирование НИОКР, реализация долгосрочных программ развития, формирование нового высокотехнологичного сектора российской экономики, переход цифровизации из сферы услуг, финансов, медиа в реаль-

ный сектор, «развернутая поддержка системы инженерно-технического образования и формирование на базе ведущих университетов «фабрик» генерации новых технологий».

Безусловно, часть мер, указанных в программе, требующих исключительно организационного ресурса, например, создания проектных структур, заслуживают включения в ближайшие планы реализации. Другая часть проектных мероприятий, для воплощения которых необходимо масштабное финансирование, нуждается в проработке с точки зрения источников монетизации и коммерциализации.

Структурная политика, помимо содержательного аспекта, имеет другую, не менее важную, методическую, сторону реализации. Так, вполне обоснованно экономистами Центра развития ВШЭ высказывается мысль о том, что «три макросектора российской экономики – сырьевой, крупный несырьевой и сектор средних и мелких предприятий имеют жесткие границы, разные финансовые модели и разным способом реагируют на изменения внешних условий», а следовательно, не могут являться объектом универсальных подходов» [19].

Интерес представляет точка зрения экономистов, которые полагают, что темпы и масштабы в сфере структурных преобразований не должны быть всеобъемлющими, кардинально меняющими прежний социально-экономический строй [17]. Масштабные качественные изменения, во-первых, не позволяют использовать конструктивный потенциал преемственности; во-вторых, ломают ценности, символы и представления, связанные с определенным хозяйственным укладом и

поэтому оставляют вне субъектности структурных перемен целый пласт активного населения и, в-третьих, как любые революционные «рывки», структурный «форсаж» обязательно вызывает встречную контрреакцию, сопротивление, чреватое социальной нестабильностью.

Стратегия государства на достижение структурных перемен, как справедливо утверждали представители немецкой исторической школы экономики, имеет для каждой страны обусловленные национально-культурным контекстом особенности. Например, для нашей страны необходимой составляющей курса на преодоление кризиса является изменение сырьевой направленности экономики, установление оптимального участия в хозяйственной сфере государства. С одной стороны, обеспечивающее ускоренный рост общественно значимых отраслей и производств, а с другой стороны, не препятствующее нормальному функционированию института конкуренции и не создающее дополнительного пространства для неэффективного и нецелевого использования средств налогоплательщиков для реализации интересов узкого круга лиц.

Учитывая отставание отечественного реального сектора экономики от среднемирового уровня, его размеров и темпов роста, особое значение в ряду стратегических антикризисных мер занимает государственная политика, стимулирующая предложение потребительских товаров и услуг и их внутренний спрос за счет бюджетных расходов. Выступая на открытии форума в Давосе, Президент В.В. Путин заметил, что Россия имеет неограниченные возможности для экономического

роста благодаря емкости внутреннего спроса и развития потребительского рынка. Но наша экономика, – заявил он, – давно требует структурных реформ. При этом лучшим лекарством от кризиса, по мнению Президента, является развитие программ массового строительства жилья, дорожной сети, атомной энергетики, машиностроения, сельского хозяйства, ВПК и науки. Эти отрасли могут стать локомотивами национальной экономики, создать новые рабочие места. И если при этом, отметил В.В. Путин, – бюджет страны станет из профицитного (в котором доходы превосходят расходы) разумно дефицитным, ничего страшного в этом нет. «Лучше умеренная инфляция и развитие, чем кризис» [15].

По мнению известного экономиста Томаса Пиккетти, автора книги «Капитал в XXI веке», бюджетная политика, перераспределяющая средства, находящиеся в распоряжении государства, на стимулирование экономического развития, составляет важную часть антикризисной политики [6]. Бюджетная политика – это политика, регулирующая доходы и расходы государства. Важной задачей оптимизации бюджетной политики является ее ориентация на нужды общества, повышение благосостояния населения.

Мировая экономическая практика располагает достаточным положительным опытом социализации экономики. Например, заслуживает внимания опыт немецкой социально ориентированной экономики, явившей миру «экономическое чудо», благодаря которому Германии удалось не только преодолеть послевоенную разруху, но и выйти в ряд наиболее передовых держав мира. И сейчас, при выдаче бан-

ковских кредитов (особенно в банках с государственным участием) предпочтение отдается не крупным бизнес-структурам, но малым предприятиям и индивидуальным товаропроизводителям.

Институциональная реформа экономики, ориентированная на перспективу роста, должна соответствовать современным цивилизационным трендам (проявляющимся направлениям развития человечества). В связи с этим важной составляющей структурной политики является *инновационная политика*.

В условиях перехода мировой цивилизации к качественно новому состоянию, определяемому сменой материальных источников развития информационными, именно та страна полностью обезопасит себя от нового кризиса, которая сможет наиболее успешно адаптироваться к такой трансформации. Говоря проще, первенство не только в создании антикризисных условий развития, но и в ряду передовых стран мира будет принадлежать тем из них, которые в наибольшей степени продвинулись в области новейших наукоемких технологий, смогут максимально эффективно соединить науку и производство, поставив их на службу обществу.

Выражаясь кратко, можно охарактеризовать целеполагание инновационной политики как создание институциональных и материальных условий для перехода к экономике постмодерна, сложным источником развития которой являются знания и информация. В артикуляции А.В. Бузгалина, формирование креативной экономики [4], основополагающими качествами которой, по мнению экономиста, является

творческий труд: 1) отличающийся от репродуктивного (воспроизводящего) прежнего качества; 2) выступающий «ценностью, а не обременением»; 3) обладающий свойствами самомотивации; 4) при котором физическое потребление средств производства носит перфектный характер; 5) результирующийся в продуцирование феномена культуры [3].

Осознание важности или даже жизненной необходимости обеспечить интеграцию России в цивилизационный мейнстрим демонстрирует первый после инаугурации Указ Президента РФ¹, в котором в качестве стратегических задач обозначены стратегические направления:

«- ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа;

- обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере».

Для продвижения этих направлений предполагается «опережающее» развитие науки и образования. Поставлена цель достижения «присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки и областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития; создания научных центров мирового уровня, включая сеть международных математических центров и центров геномных исследований; не менее 15 научно-образо-

вательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики; глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок; сквозных цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок».

Таким образом, меры, направленные на преодоление кризиса, как и сам кризис, представляющий собой сложный социально-экономический феномен, не могут быть сведены к односложной и однонаправленной деятельности. Важно отметить два положения, составляющие стержень антикризисной политики: это ведущая роль государства в преодолении кризиса и нацеленности не только на устранение его видимых, острых последствий, но и реализацию стратегии поступательного экономического развития.

Видимые признаки наступившего в 2008 г. системного кризиса – лишь начало большой «цивилизационной ломки», результатом которой должна стать «новая селекция», призванная определить конструктивный потенциал сложившихся социально-экономических реалий, перспективы общественного развития, его «новых» лидеров и аутсайдеров.

Статья поступила в редакцию 15.05.2018

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

ЛИТЕРАТУРА

1. Арриги Д. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего». 2007. 472 с.
2. Базанов Е., Оверченко М. Мир потерял равновесие // Ведомости. 2017. 12 янв.
3. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
4. Бузгалин А.В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
5. Бутрин Д. Терапия заболеваний экономического роста // Коммерсант. 2018. 16 апр.
6. Гайва Е., Гурова М., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. 2017. № 38. С. 15–23.
7. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Либроком. 2011. 460 с.
8. Господдержка выживания // Ведомости. 2018. 13 апр.
9. Идрисов Г.И., Княгинин В.Н., Кудрин А.Л., Рожкова Е.С. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
10. Михайлов А. Экономика «осажденной страны» // Профиль. Деловой еженедельник. 2017. № 47.
11. Моисеев С. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 24–42.
12. Пестова А.А. Об оценке эффектов монетарной политики в России: роль пространства шоков и изменений режимов политики // Вопросы экономики. № 2. 2018. С. 33–55.
13. Подсчитаем сколько в мире денег [13.03.2017] // ФБ.ру [сайт]. – URL: fb.ru/article/300471 (дата обращения: 06.05.2018)
14. Сколько в мире денег в 2018 году? [07.01.2018] // Cerulean [сайт]. – URL: http://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg-v-2017-godu.html (дата обращения: 06.05.2018).
15. Смирнов А. Финансовый кризис в РФ: причины и механизмы санации [18.02.2009] // KM.RU [сайт]. – URL: http://www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_ (дата обращения: 06.05.2018).
16. Сравнялись с Америкой // Коммерсант. Деньги. 2017. № 63. С. 34.
17. Халиков М.А., Шафиев Р.М., Максимов Д.А. Последствия включения в мировую экономику. Без кардинальной структурной перестройки России не обойтись // Независимая газета. 2018. 16 янв.
18. Тузиков А. Сила малых шагов // Ведомости. 2017. 16 июня.
19. Центр развития ВШЭ предлагает отказаться от единой промышленной политики // Коммерсант. 2018. 26 февр.
20. Эткин Д. А. Офшорная справедливость // Ведомости. 2017. 15 сент.
21. Kevin P. Boiling Point: Republicans, Democrats and the Decline of Middle-class prosperity. New York: Random House, 1993. 197 p.

REFERENCES

1. Arrigi D. Dolgii dvadtsatyi vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni [The long twentieth century. Money, power and the origins of our time]. Moscow, Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego» Publ., 2007. 472 p.
2. Bazanov E., Overchenko M. Mir poteryal ravnovesie [The world has lost the equilibrium]. In: *Vedomosti*, 2017. 12 Jan.
3. Buzgalin A.V. [The decline of neoliberalism]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 2, pp. 122–141.
4. 20. Buzgalin A.V. [Creative economy: intellectual property: private or everyone's property?] In: *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017, no. 7, pp. 43–53.

5. Butrin D. Terapiya zabolevaniy ekonomicheskogo rosta [Therapy of economic growth diseases]. In: *Kommersant*, 2018, 16 APR.
6. Gaiva E., Gurova M., Obukhova E. [Not in an each single country]. In: *Ekspert*, 2017, no. 38, pp. 15–23.
7. Gil'ferding R. Finansovyi kapital. Noveishaya faza v razvitiy kapitalizma [Financial capital. The latest phase in the development of capitalism] Moscow, Librokom Publ., 2011. 460 p.
8. Gospodderzhka vyzhivaniya [State support for the survival]. In: *Vedomosti*, 2018, 13 APR.
9. Idrisov G.I., Knyaginina V.N., Kudrin A.L., Rozhkova E.S. [New technological revolution: challenges and opportunities for Russia]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 4, pp. 5–25.
10. Mikhailov A. [The economy of a "besieged country"]. In: *Profil'. Delovoi ezhenedel'nik*, 2017, no. 47.
11. Moiseev S. [The Renaissance of monetarism: what the famous theory lived by in the 2000–2018 years]. In: *Voprosy ekonomiki*, 2018, no. 1, pp. 42.
12. Pestova A.A. [On the evaluation of the effects of monetary policy in Russia: the role of the space of shocks and change of policy regimes]. In: *Voprosy ekonomiki*, no. 2, 2018, pp. 33–55.
13. Podschitaem skol'ko v mire deneg 13.03.2017 [Elektronnyi resurs] [Let's calculate how much money there is in the world of 13.03.2017]. In: *FB.ru* [website]. Available at: fb.ru/article/300471 (accessed: 06.05.2018).
14. Skol'ko v mire deneg v 2018 godu? 07.01.2018 [Elektronnyi resurs] [How much money is there in the world in 2018? 07.01.2018 [Electronic source]]. Available at: <http://mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg-v-2017-godu.html> (request date 06.05.2018)
15. Smirnov A. Finansovyi krizis v RF: prichiny i mekhanizmy sanatsii 18.02.2009 // KM.RU [http](http://www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_) [The financial crisis in Russia: causes and mechanisms of readjustment] [18.02.2009]. Available at: [KM.RU www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_](http://www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_) [www.km.ru/news/finansovyj_krizis_v_rf_prichiny_].
16. [Having overtaken America]. In: *Kommersant. Den'gi*, 2017, no. 63, pp. 32.
17. Khalikov M.A., Shafiev R.M., Maksimov D.A. Posledstviya vklyucheniya v mirovuyu ekonomiku. Bez kardinal'noi strukturnoi perestroiki Rossii ne oboit'sya [The consequences of integration into the global economy. Without a fundamental restructuring of Russia not to manage]. In: *Nezavisimaya gazeta*, 2018 [The independent newspaper. 2018]. Jan.
18. Tuzikov A. Sila malykh shagov (The power of small steps). In: *Vedomosti*, 2017. 16 Jun.
19. Tsentrazvitiya VSHE predlagaet otkazat'sya ot edinoi promyshlennoi politiki (The center of the HSE proposes to abandon a common industrial policy). In: *Kommersant*, 2018, 26 Feb.
20. Etkind A. Ofshornaya spravedlivost' [Offshore fairness]. In: *Vedomosti*, 2017, 15 Sep.
21. Kevin P. Boiling Point: Republicans, Democrats and the Decline of Middle-class prosperity. New York, Random House, 1993. 197 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета;
e-mail: korrka@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir G. Egorov – doctor of historical sciences, doctor of economic sciences, Professor, head of the Department of political science and law, Moscow Region State University;
e-mail: korrka@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров В.Г. Современный финансовый кризис и его последствия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 257–271.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271

FOR CITATION

Egorov V. The modern financial crisis and its consequences. In: *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no 4, pp. 257–271.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-257-271